

Пахомов Владимир
(режиссер)

(127).07.02

Портрет

Экран и сцена. - 2002 -
июль (127) - 42.

Неугомонный Пахомов

Странно, что ему – 60 лет. Уже или еще? – Наверное, то и другое. Он еще слишком молод душой, со взрывным темпераментом, массой неутоленных желаний. Но сделано уже столько, что и на две жизни хватит.

Знают его прежде всего как создателя Липецкого феномена, сумевшего выстроить здесь целый Чеховский театр, развивать и приумножать в течение 20 лет, приучить к нему местную публику, предъявить России и зарубежью, сделать достопримечательностью города, наряду со знаменитым Липецким комбинатом. Одного этого было бы достаточно для долгой творческой жизни; но это – не все о нем.

До Липецка были другие города, от Одессы до Петрозаводска, и театры, где ученик Андрея Гончарова, наделенный от природы и от учителя неизбывной энергией, набирался опыта, закалял волю, ставил спектакли. Всего их набралось около сотни, но театральный его вклад измеряется не числом, а умением. Редким сегодня умением не плыть по течению, а самому создавать его; мыслить и действовать как тактик и как стратег.

Прежде чем превратить промышленный город в центр классики, воспитать публику с ее молодых ногтей, сделав театр свой тюзом.

Дабы укрепить театр, не дать ему, как бывает в провинции, вариться в своем соку выйти за его стены, стать просветителем, за что и получена одна из Государственных премий. 20 лет подряд ездить в имение Чехова под Москвой, дабы проводить там театральный праздник "Мелиховская весна", всякий раз с премьерой, с сюрпризом; проводить сначала в одиночку, а теперь уже и в рамках Международного театрального фестиваля, выросшего из этой "Весны". Основать у себя в городе Липецкие театральные встречи, опять-таки всякий раз с новой научной программой, куда стекаются ученые и театральные люди из разных российских городов и зарубежья, и питают город идеями, и сами питаются от него.

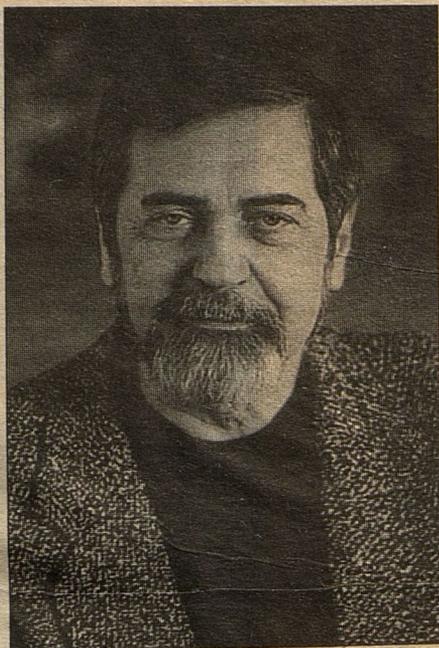
О делах его говорить можно долго; Пахомов – истинно деятельный человек. Этим он сродни Чехову (понадевавшему много больше, чем принято говорить о нем) и тем также, что общее благо у него, согласно чеховскому правилу, – потребность души, условие личного счастья. И жизнелюбием своим, волей к жизни, что заставляет подчинять себе нешуточные болезни, не становясь их заложником, их рабом.

Любовь его к Чехову – тоже деятельная и живая. Начав с "Чайки" и "Дяди Вани", он поставил множество больших и малых чеховских пьес, и прозу, и разного рода композиции, и вывел на сцену самого Чехова – то в дуэте-диалоге с Толстым, то в окружении любящих женщин. Он сам за 20 лет не привык к нему и другим не дает привыкнуть, постоянно что-то сочиняя и пробуя, рискуя, не боясь ошибиться.

Привычки и штампа нет потому также, что в жизни и театре его – не один Чехов. Помимо русских классиков и современных любимцев, есть здесь неожиданные броски в сторону – вдруг повело к примеру, к Ибсену, с Чеховым неявно и сложно связанному, а одним из лучших спектаклей последних лет стал "Василий Теркин".

Пахомов – человек редкостно верный: делу, людям, театру. Но верность не лишает его свободы. Он не боится от Чехова ступить на иную территорию, куда-то в неизвестное. Странник театра-семьи, театра-дома, он вписался в нынешнюю неизведанную реальность, не боится нового времени – и племени, которому широко открыл двери, пестует и развивает его. Оттого, быть может, в старом театре, который Пахомов ведет уже четверть века, сейчас такой свежий воздух и, кажется, молодеет сцена.

Дай Бог ему здоровья; с остальным он справится.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА